

АРНОЛЬД ОГАНОВ¹

ЗАМЕТКИ О СВОЙСТВАХ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абстракт

В статье предпринята попытка переосмысления ряда свойств, характеризующих эстетическую деятельность. В контексте ее общих характеристик рассматривается вопрос о релевантности принципа «незаинтересованности» к ней. Высказывается гипотеза о возможности придания понятию «интерес» эстетического статуса. Особое внимание уделяется формообразованию в эстетической деятельности как условию достижения качества художественности продукции эстетической деятельности.

Ключевые слова

Эстетическая деятельность, творчество, искусство, «незаинтересованность», «интерес», формообразование, функции эстетической деятельности.

Человек осуществляет себя бытийствуя в трех онтологических измерениях: в пространственном, временном и социальном. Обретаемые им в этом континууме различные формы деятельности суть способы его самореализации. Начиная с греко-римской античности во все исторические времена неотъемлемой частью культуры всех народов была эстетическая деятельность и ее овеществленные продукты. Вездесущность эстетической деятельности проявляется в том, что она органично вплетена в образ жизни

¹ Арнольд Оганов — доктор философских наук, профессор, философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия.

людей. Она может быть одаренно предпосланной, когда это созидательно-творческое деяние, и, что чаще, когда это чувственно-созерцательное притяжение объекта, вызывающего активную эстетическую реакцию. Происходит деятельностная активация сознания и воображения, продуцирующих индивидуально-личные образные представления.

Общепринято убеждение, что предмет эстетического отношения не имеет практической значимости. Казалось бы, из этого следует, что нет никакой надобности в таком предмете в жизнедеятельности человека. Между тем, в отсутствии практической потребности в нем, сам он повсюду присутствует и по факту чрезвычайно востребован, «эстетическим оказывается все» (Ж. Бодрийяр). «Незаинтересованность суждения вкуса» (И. Кант) вместе с тем оказывается весьма заинтересованным. Выходит так: заинтересованная «незаинтересованность». Парадоксально словосочетание, но ни его смысловое значение.

Вопреки «незаинтересованности» возникает *интерес*. Не является ли это слово ключевым в экспликации эстетической реакции удовольствия? Отчего оно — вечный спор и поиски. На чем бы ни фокусировались эстетическая деятельность, отношения, суждения всегда — это либо прекрасное, либо безобразное, возвышенное или низменное, трагическое или комическое, гармоническое или дисгармоническое... Во всем этом «бульон эстетизации», как сказал бы Ж.-Ф. Лиотар.

На каком основании деятельность по созданию авангардных форм искусства правомерно считать эстетической, если они никак не соотносятся с традиционными категориями эстетики? Вполне понятна озабоченность Л. Столовича, когда он говорит о кризисе современной эстетики: «Феномен современной художественной культуры — это сфинкс современной эстетики, загадки которой она стремится разрешить с начала XX века».¹

Так какой же «незаинтересованностью» мотивирована эстетическая деятельность и наше влечение к художественным творениям? Хрестоматийные доводы по поводу познавательной, воспитательной, коммуникативной, гедонистической и прочих

функций искусства мало в чем убеждают. Общение с произведением искусства — это раскрепощенное, по преимуществу бессознательное проживание другой альтернативной реальности. В ней узнаваемое удивляет, а в незнакомом узнают себя. «Эмма — это я», — говорил Г. Флобер («Мадам Бовари»), «У нас с Медузой много общего», — признавался М. Караваджо («Медуза»).

Эстетическая деятельность — это область самополагания, где происходит ничем не опосредованное экзистирование себя, своего «Я». Эмпирическое «Я» восполняется «Я» трансцендентным. «Я» знает не только объект в феноменальной реальности, но знает объект и в себе. Множество личностных ипостасей (гетерогенное «Я») способствуют преодолению «статичной» идентичности. Все это вызывает неосознаваемое чувство откровения, наподдаётся рассудочному пониманию. Поэтому сказать что-либо определенное, выверенное относительно мотивации эстетического притяжения не приходится. Разве, что опыт подсказывает, что событие эстетического общения неизъяснимо **интересно**.

Теоретически строго объяснения здесь быть не может. Доказуемость основывается только на огромном и бесконечно разнообразном опыте. Этот опыт не редуцируется к реалиям действительности в нем интегрирован модус эстетических восприятий, переживаний, эстетических установок и ожиданий. Надо заметить, что «интересное» как эстетическая категория занимала Я. Голосовкера², чьи размышления побудили Л. Карасева изложить свою точку зрения по этой проблеме³. Суждения обоих авторов заслуживают внимания, однако с учетом тематической направленности данной статьи приходится огра-

¹ *Столочич, Л. Н.* Покинула ли «Сова Минервы» эстетику // Вопросы философии. №7. 2012. С. 84.

² *Голосовкер, Я.* Избранное: Логика мифа. СПб. 2010. С. 225.

³ *Карасев, Л.* Об «Интересном» Я. Голосовкера // Вопросы философии. 2017. №3. С. 114–124.

ничиться ссылкой на их работы. Будучи обобщенной качественной характеристикой функциональной потребности в эстетической деятельности, вызывающей чувство удовольствия, интерес к ней вполне допустимо считать эстетическим понятием. И. Кант писал: «Всякая цель, рассматриваемая как основание удовольствия, всегда заключает в себе *интерес* (выделено нами. – А.О.) как определяющее основание суждения о предмете удовольствия».¹ Естественно, это чисто духовная, ментальная интенция ничем рассудочным и прагматическим не обусловленная. Такое смысловое (от противного) возвращение к кантовскому понятию «незаинтересованности» преследует цель побудить сомнение в правомерности широко распространенной в нашем гуманитарном знании характеристики функций эстетического.

Как известно, природа эстетической деятельности наиболее адекватно проявляется в художественном творчестве, в искусстве. По существу интерес к искусству предопределен «незаинтересованностью» к художественному творчеству. Благодаря такому к нему отношению достижима истинная свобода в искусстве. Это прежде всего свобода от идеологических и политических воздействий, от морально-правовых и церковно-религиозных постулатов. В противном случае эстетическая деятельность, включая искусство, превращается в притягательно закамуфлированную пропагандистскую машину. В результате человек обезличивается, деформируется, становится ущербной его идентичность. Отождествление деяния и свободы возможно только в сфере эстетической деятельности.

На свободу эстетической деятельности существенно влияет то обстоятельство, что это творчество без правил. Прежде наработанные правила замещаются «целесообразностью» формы, ее внутренней, структурно выстроенной целостностью. Це-

¹ Кант, И. Критика способности суждения // Соч. в 6 томах. М.: Мысль, 1966. С. 223.

лесообразность формы суть ее оправдание, ибо этим качеством обеспечивается ее выразительность при всем разнообразии методов, школ и направлений художественного письма. «... Одна лишь форма целесообразности в представлении, посредством которого нам *дается* предмет, может, поскольку мы ее создаем, составить удовольствие...».¹ Архитектоника произведений эстетической деятельности не бывает предзадуманной.

Каждый раз в равнодействии сознательного и бессознательного она создается заново, по новым правилам и непосредственно в процессуальных актах творчества. Формообразующее свойство эстетической деятельности является для нее определяющим. Вследствие такого ее свойства достижимо качество художественности создаваемых произведений. Все виды эстетически значимых текстов индуцируются формой. Эстетическая деятельность — это всегда высказывание во вне посредством преодоления и преобразования материала действительности впервые творимой формой.

Уместно сослаться на рассуждения М. Эпштейна о трехчастном акте творчества: «Один элемент — аномалия, то есть отступление от системы, нарушение правила. Другой — аналогия, то есть создание правила из самого нарушения. В переходе между ними совершается нечто третье, интервал, выпадающий из поля сознания, не поддающийся объективации, — сам момент переключения из старой системы в новую».² Далее приводятся великие имена ряда мыслителей, по-разному обозначающих этот решающий момент. К. Ясперс называл его «трансценденцией», В. Шкловский — «остранением», М. Мамардашвили — «паузой».³ При всем различии этих понятий, немалым сходством

¹ Кант, И. Критика способности суждения // Соч. в 6 томах. М.: Мысль. 1966. С. 224.

² Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение. 2017. С. 233.

своего содержания они с явной очевидностью ассоциируются с художественной формой.

Формообразованию предшествует язык. Всякая эстетическая деятельность включает в себя языковую деятельность. Первоэлементы языка – звук, слово, цвет, знак, камень лежат в основе вещного бытия творений эстетической деятельности. Материал языка создает чувственную ткань образа. В различных формах эстетической деятельности свой творящий язык, который не только отсылает к чему-либо, но и сам значим.

Самозначимость эстетического языка обуславливается тем, что в таких формах творчества он обретает эстетическую конституированность. Язык эстетической деятельности не безразличен к замыслу творца, который не может не понимать, что значит «языковая» неизбежность (И. Бродский). Ее нельзя избежать, иначе изобразительный материал творения войдет в противоречие с его смысловым содержанием. И тогда «Корчится улица безъязыкая» (В. Маяковский).

Высокие образцы эстетической деятельности, как правило, не имеют референта: их соотносимость с какой-либо наличной данностью весьма условна. Конечный продукт творческой деятельности самодостаточен, самоценен, автономен в своей независимой значимости. По отношению к нему полностью элиминируется проблема истинности и ложности суждений. Возможна только свободная и личностная интерпретация. Несмотря на неизбежное каузальное воздействие предмета, сложившееся в прежнем опыте привычное представление о нем, в оптике эстетического восприятия способно радикально измениться. Можно видеть разбросанные на поляне камни, а можно – «парк камней». Букет цветов может превратиться в «икэбану». Все зависит от модуса, условий восприятия, психологической установки.

Эстетическая деятельность – предельно емкое понятие. Наряду с искусством, в котором кристаллизуется духовное состоя-

³ См. там же.

ние общества, художественно-эстетическая практика широко распространена в дизайнерской деятельности, декоративно-прикладном, садово-парковом искусстве, архитектурном решении жизненного пространства. Прикладные формы эстетической деятельности востребованы в предметно-практической сфере жизни общества: чаще всего это относится к продукции легкой промышленности, бытовой техники, оборудования. Практически ко всему, что представляет коммерческий интерес и широко рекламируется. В подобных случаях имеет место так называемая эстетизация объекта, когда подвергаемая трансформации внешняя форма рассчитана преимущественно на визуальное восприятие. В результате усиливается притягательность объекта при неизменном его целевом назначении. Эстетика часто как бы «прислуживает» потребителю отношению к предмету, что вполне соответствует запросам современного общества. Принцип «незаинтересованности» по отношению к прикладным формам эстетической деятельности более чем проблематичен. Конечная продукция инвариантна и предельно редуцирована. Все это позитивные характеристики, соответствующие функциональному назначению эстетической деятельности.

Общим положением является то обстоятельство, что эстетическая деятельность снимает все формы социального, политического, технологического отчуждения, нарастающих на современном этапе радикальных цивилизационных перемен. На стыке реального и виртуального, в условиях вытеснения чувственно-предметных форм выражения и замещения их оцифрованными двойниками все актуальнее становится вопрос потенциала развития эстетической деятельности, внедрения ее в сферу инновационных гуманитарных технологий.